

### ДЕТСКИЕ МУСИЧЕСКИЕ СОСТЯЗАНИЯ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Документы, относящиеся к позднему этапу существования античных мусических агонов, показывают, что их своеобразной чертой были детские сольные состязания. По данным надписей, в императорскую эпоху соревнования юных артистов (а не только спортсменов) перестали быть на играх исключением и приобрели особую популярность, позволяющую считать их не эпизодическим, а характерным для всего этого периода явлением.<sup>1</sup> Тем не менее и в более раннее время дети, помимо учебных состязаний, иногда принимали участие в «настоящих» агонах наряду со взрослыми исполнителями.

Следует различать две разновидности детских соревнований, упоминающихся в источниках: предназначенные только для молодежи учебные агоны, игравшие роль экзаменов, и участие детей в играх как отдельный пункт программы городских празднеств. Если первые устраивались преимущественно ради самих юных агонистов, то вторые — ради зрителей. В некоторых случаях это разделение не лежит на поверхности, но в основном двумя наиболее существенными критериями можно считать возможность участия в тех же играх взрослых (необязательно в том же жанре),<sup>2</sup> а также вопрос об организаторах соревнований: было ли это гимназическое начальство, родители, или же городские власти.<sup>3</sup>

Так, безусловно каталог учебных состязаний содержит теосская надпись Michel 913, а также документ с Хиоса SIG<sup>3</sup> 959 и из Магнезии на Меандре SIG<sup>3</sup> 960 (все три — эллинистической эпохи). Такие школьные агоны в настоящей статье не рассматриваются.

По свидетельству Платона (Tim. 21 b), в Афинах на празднике Ἀλοτοῦρίων дети выступали как рапсоды. Критий принимал в нем участие в десятилетнем возрасте; многие из мальчиков исполняли тогда произведения Солона. Представляется, что эти состязания носили характер семейного, почти частного мероприятия, в соответствии с духом праздника (ведь на Апатуриях имена трех-четырёхлетних детей заносились в список их фратрии), поскольку Критий говорит: ἄθλα γὰρ ἡμῖν οἱ πατέρες ἔθεσαν ῥαψωδίας. Таким

образом, родители выступали как организаторы конкурса, дающего детям возможность блеснуть школьными познаниями (по-видимому, они выбирали и жанр соревнований), и, вероятно, они же составляли большинство зрителей. Это единичное свидетельство еще не сопоставимо с модой римского времени, когда по примеру спортивных агонов возрастные классы παιδων появились и на мусических.

Прежде чем перейти к анализу немногочисленных свидетельств о детских мусических агонах в эллинистическую эпоху, необходимо пояснить, что в доказательство присутствия в программе празднеств сольных состязаний детей не могут быть приведены каталоги, упоминающие ἀγῶν αὐλητῶν ἀνδρῶν или αὐλητῶν παιδων, ἀγῶν αὐλητῶν παιδικός, αὐλητὰς παιδας или ἀνδρας: таковы были сложившиеся в этот период формулы для обозначения выступлений авлетов в сопровождении мужских или детских хоров.

Дело в том, что с начала IV в. до н.э. на хоровых состязаниях возрастает значение музыканта-инструменталиста.<sup>4</sup> С одной стороны, хоры стали включать в свой репертуар как новые, так и старые произведения.<sup>5</sup> А следовательно, на состязаниях оценивался не столько авторский замысел, сколько исполнение. Направляется предположение, что в условиях повторной постановки, когда точность воспроизведения оригинала не контролировалась автором, при несовершенстве системы нотной записи, музыкант-инструменталист обрабатывал и видоизменял старую мелодию по своему усмотрению или же мог положить древние стихи на новую музыку. Таким образом, ему, а не дидаскалу (которым прежде являлся обычно сам автор), стала принадлежать первая роль при постановке.

С другой стороны, уже во второй половине V в. до н.э., когда музыкальное искусство в Греции переживало кризис тотального обновления, в условиях деятельности композиторов-новаторов и формирования профессионализма инструментальная музыка, которой до того отводилась подчиненная роль в сравнении с вокальной, стала интенсивно развиваться. И во время исполнения, как показывает доступный нам материал, основной интерес был направлен уже не на пение хоров, а на игру авлета.<sup>6</sup> Постепенно хор превратился во второстепенный элемент, лишь вторящий инструменталисту. В употреблении входит выражение «авлет в сопровождении хора».<sup>7</sup>

Соответствующий вид агонов стал обозначаться как состязания не хоров, а авлетов. В каталогах Этолийских Сотерий в Дельфах<sup>8</sup> упомянуты среди прочих следующие победители: αὐλητὰς [= αὐλη-

της, пом.] τοὺς παῖδας... ἡγεμῶν τοὺς παῖδας... αὐλητὰς τοὺς ἄνδρας... ἡγεμῶν τοὺς ἄνδρας. Понятно, что речь идет о соревнованиях детских и мужских хоров, честь победы в которых принадлежала авлету и корифею. Точно то же самое означает и формула παῖδας αὐλητὰς... παῖδας ἡγεμόνας... ἄνδρας αὐλητὰς... ἄνδρας ἡγεμόνας в каталоге оропских игр Ὀρόλων, <sup>9</sup> где обозначения главных участников агона (авлетов, корифеев) и возрастных категорий хористов (мальчиков, мужей) стоят в одном падеже, что могло бы вызвать ошибочное толкование «агон авлетов-детей» и «авлетов-мужчин». На эту особенность языка агонистических надписей эпохи эллинизма исследователи обратили внимание уже в конце XIX — начале XX в., <sup>10</sup> и с тех пор их выводы подтвердились новыми находками. В Приене в III–II вв. до н. э. существовал обычай объявлять о награждении венком того или иного заслуженного гражданина на Дионисиях αὐλητῶν τῷ ἀγῶνι τῷ παιδικῷ (букв. «на детском агоне авлетов»). <sup>11</sup> В других надписях тот же момент игр обозначается просто τῷ ἀγῶνι τῶν παίδων или τῷ παιδικῷ; <sup>12</sup> учитывая, что речь идет о Дионисиях, можно не сомневаться, что в виду имеется агон хоров. <sup>13</sup> Наконец, третий вариант обозначения — τοῖς πρώτοις Διονυσίοις αὐλητῶν τῷ πρώτῳ ἀγῶνι — «на ближайших Дионисиях, на ближайшем агоне авлетов». <sup>14</sup> Отсюда можно заключить, что и в других городах, когда указывается определенное время в программе праздников при помощи формулы «(в такой-то день) на агоне авлетов», подразумеваются выступления хоров вместе с авлетами. <sup>15</sup>

Поскольку обозначение «агон авлетов» вошло в обиход наряду с названием «агон хоров», то и хорегов, и даже дидаскалов, на практике, конечно, по-прежнему занимающихся прежде всего работой с хорами, в надписях стали связывать с авлетами. Так, в списках участников Амфиктионовых Сотерий в Дельфах <sup>16</sup> рядом с хоревтами всегда указываются авлеты и дидаскалы, причем в каталоге SGDI 2566, v. 17 (ок. 253/2 г. до н. э.) эти последние названы διδάσκαλοι αὐλητῶν. Выражение «хорег авлетов» встречается довольно часто: Dem. XXI, 156 τραγῳδοῖς κεχορηγητέῳ ποτ' οὗτος, ἐγὼ δὲ αὐληταῖς ἀνδράσιν; Теос: SIG 3089, v. 7–8 παίδων αὐλητῶν χορηγός, v. 11 αὐλητῶν ἀνδρῶν χορηγός; SIG 3090, v. 2–4 χορηγοί... αὐλητῶν παίδων. Истинный смысл этих формул, не имеющих никакого отношения к состязаниям детей в игре на авлосе, подчеркивается при сопоставлении с аналогичной надписью с о. Самос: <sup>17</sup> ἐχορήγου παίδων αὐληταῖς... ἀνδρῶν αὐληταῖς, где употребление *gen. παίδων* и ἀνδρῶν исключает превратное понимание.

Таким образом, с учетом высказанных выше соображений оказывается, что достоверные свидетельства о παιδες αὐληταί для эллинистической эпохи отсутствуют, и мы располагаем прямыми указаниями лишь на детские соревнования в авлодии. В Эретрии они засвидетельствованы уже в первой половине IV в. до н. э.: <sup>18</sup> в списке наград на мусических агонах на празднике Артемисии (τὰ Ἀρτεμίρια) в 340 г. указано: αὐλωδοὶ παιδί πεντήκοντα, δευτέροι τριήκοντα, τρίτοι εἴκοσι (v. 15–16). Интересно, что участие взрослого авлода не предусматривается. Программа агонив заявлена несколькими строчками выше: ῥαψωδοῖς, αὐλωδοῖς, κιθαρισταῖς, κιθαρωδοῖς, παρῳδοῖς (v. 9–10); затем оказывается, что состязания в авлодии должны происходить только между детьми (из экономии? согласно требованиям моды и вкусам зрителей?), а в кифаристике — только между взрослыми (v. 16–17: ἀνδρὶ κιθαριστέι... δευτέροι... τρίτοι). При этом, как гласят последние строки надписи, порядок проведения Артемисий устанавливается εἰς τὸν αἰεὶ [χρόν]ον (v. 42–43). В трех других агонах возрастные категории не упомянуты. Значит ли это, что соревнования παιδες κιθαρισταί были настолько обычны, что потребовалось ввести в текст уточнение ἀνδρὶ, хотя ему и не предшествует παιδί, тогда как детские состязания в остальных жанрах (кроме авлодии и кифаристики) еще не были в то время распространены на праздниках? Трудно было бы объяснить, почему в качестве детских агонив прежде всего получили распространение именно авлодия и кифаристика: если в первую очередь возник интерес к детскому пению из-за своеобразного тембра детских голосов, то наряду с авлодией должна была бы упоминаться кифародия; если значение имело обучение кифаристике в школе, то вместе с тем должны были бы устраиваться состязания в рапсодической рецитации и кифародии, тогда как авлодия, напротив, не входила в обычное число школьных предметов. <sup>19</sup> Но на основании одного только эретрийского постановления слишком смело было бы делать выводы о последовательности распространения детских агонив.

Мы располагаем, однако, еще двумя надписями того же времени (1–2-я треть IV в. до н. э.), по которым можно сделать вывод о существовании на праздниках состязаний среди детей. Одна из них — список победителей на Амфиараях в Оропе. <sup>20</sup> Первые строки сохранились с лакунами, затем названы ἀν[ήρ κι]θαριστής и ἀν[ήρ αὐλωδο]ς (v. 4–5), а также σοφιστής; дальше перечисляются победившие в гимнастических состязаниях. С этим каталогом в научной литературе издавна сопоставляется список наград на афинских

Панафинейх,<sup>21</sup> в сохранившейся части которого указаны следующие виды мусических агонов: κιθαρωδοίς, ἀνδράσι αὐλωδοίς, ἀνδράσι κιθαριστοῖς, αὐληταῖς. Ученые конца XIX в. уже ставили вопрос о том, означает ли добавление слов ἀνήρ, ἀνδράσι к названиям состязаний авлодов и кифаристов (и только к ним) существование аналогичных детских агонов,<sup>22</sup> однако отсутствие надежных параллелей заставляло Э. Райша<sup>23</sup> с осторожностью относиться к этому предложению, а Й. Фрая<sup>24</sup> — решительно его отвергнуть. Однако после публикации эретрийской надписи (см. с. 175) сомневаться в существовании детской авлодии уже не приходилось, что дало возможность Э. Пройнеру<sup>25</sup> предложить убедительную реконструкцию оропского каталога, при которой в в. 2–3 упоминаются κιθ[αρ]ιστ[η]ς παῖς] и αὐλ[ω]δοὺς παῖς].

Были ли детские агоны также и на Панафинейх? Как показывает та же самая эретрийская надпись, упоминание агонов ἀνδρῶν во все не обязательно означает наличие на тех же играх аналогичных агонов παῖδων. Однако на детское состязание авлодов на Панафинейх указывают также материальные источники: именно как изображение этого агона интерпретируется сцена на одной из Панафинейских амфор.<sup>26</sup> А поскольку, по замечанию Э. Пройнера,<sup>27</sup> для этого знаменитого афинского праздника мы вправе предполагать самую обширную программу, ничто не мешает постулировать на этих играх и агоны παῖδες αὐλωδοί и παῖδες κιθαριστοί.

Поскольку между тремя городами существовали разнообразные связи,<sup>28</sup> можно допустить, что причины сходства программ трех праздников в рассмотренных надписях и, в частности, такой детали, как разделение на возрастные категории именно в жанрах авлодии и кифаристики, не в том, что таков был сложившийся в IV в. во всей Греции стереотип, а в том, что оропские и эретрийские игры строились по образцу прославленных, имеющих долгую историю и богатые традиции афинских Панафиней.

#### Примечания

<sup>1</sup> См.: Алмазова Н. А. Античная музыкальная эпиграфика: Автореф. канд. дис. СПб., 1998. С. 16–17.

<sup>2</sup> Мы увидим ниже, что агону παῖδων не всегда в программе состязаний был противопоставлен агон ἀνδρῶν.

<sup>3</sup> Классификация затрудняется тем, что во многих полисах школы контролировались администрацией города, а с другой стороны, при необходимости участия детей в общественных мероприятиях их учредители, очевидно, обращались к посредничеству гимназических учителей. См.: Алмазова Н. А. Детские

хоры на греческих празднествах // ΜΟΥΣΕΙΟΝ: Профессору А. И. Зайцеву ко дню 70-летия. Сб. статей / Отв. ред. В. С. Дуров. СПб., 1997. С. 138–150.

<sup>4</sup> Reisch E. De musicis Graecorum certaminibus capita quattuor. Vindobonae, 1885. P. 27–42.

<sup>5</sup> Lucian. Harm. I; CIA II 1246; как резонно замечает Э. Райш (Reisch E. Χορικοί ἀγῶνες // RE. III, 2. Sp. 2435), если даже на афинских Дионисиях в IV в. было возможно повторное исполнение сочинений Тимофея Милетского, то тем более обычной должна была стать практика постановки знаменитых старых дифирамбов за пределами Афин.

<sup>6</sup> См., например, Athen. XIV, 617 b; [Plut.] De mus. 30.

<sup>7</sup> μετὰ τῶν χορῶν, μετὰ χοροῦ: Athen. XII, 538 sqq. (о свадьбе в Сузах 324 г. до н.э.); SIG<sup>3</sup> 648 B (200–194 г.); BCH 1885, №9, p. 147–149, v. 70–71 (172 г. до н.э.).

<sup>8</sup> FdD III 4, 127 (?216/15 г.); см. тж. SGDI 2568, v. 9–12 (?220/19 г.).

<sup>9</sup> IG VII 1760, v. 38–45 (нач. I в. до н.э.).

<sup>10</sup> Brinck A. Inscriptiones Graecae ad choregiam pertinentes: Diss. Halle, 1885 (Dissertationes Philologicae Halenses VII). P. 75 sqq.; Reisch. De musicis... P. 59, not. 1; p. 101; idem. Χορικοί ἀγῶνες. Sp. 2435–2436; Frei J. De certaminibus thymelicis. Diss. Basel, 1900. P. 67; Bethe E. Thymeliker und Sceniker // Hermes. 1901. Bd 36. S. 598.

<sup>11</sup> I Priene 19, v. 54; 53, v. 70; 54, v. 65; [132, v. 12].

<sup>12</sup> I Priene 109, v. 257; 113, v. 106.

<sup>13</sup> Примеров, когда для провозглашения почестей использовались именно эти популярные состязания, очень много: см. Robert L. Études épigraphiques et philologiques. Paris, 1938. P. 35, not. 1.

<sup>14</sup> I Priene 21, v. 19–20. Так (а не «на первых из [нескольких] Дионисий...» и не «в начале Дионисий») предлагает понимать это выражение Хиллер фон Гэртринген (SIG<sup>3</sup> 715, not. 4).

<sup>15</sup> FdD III 2, 88, v. 12 ἐν τῷ ἀγῶνι τῶν αὐλητῶν; MDAI I 337 τῷ ἀγῶνι τῶν αὐλητῶν τοῖς Ἑκατομβίοις; I Magn. 15b, 14 τῇ πρώτῃ ἡμέρᾳ τῶν αὐλητῶν; Papers of the Amer. School. 1885. I 11 τοῖς Διονυσίοις αὐλητῶν τῇ πρώτῃ ἡμέρᾳ.

<sup>16</sup> SGDI 2563–2566.

<sup>17</sup> Brinck 101, 102.

<sup>18</sup> Eph. arch. 1902, 101–102.

<sup>19</sup> Во всяком случае, в Афинах, см. Arist. Polit. VIII, 1341 a 21 sq.: οὐκ ἔστιν ὁ αὐλὸς ἠθικὸν ἀλλὰ μᾶλλον ὀργιαστικόν... προσθῶμεν δὲ ὅτι συμβέβηκεν αὐτῷ ἐναντίον πρὸς παιδείαν καὶ τὸ καλύειν τῷ λόγῳ χρῆσθαι τὴν αὐλήσιν. διὸ καλῶς ἀπεδοκίμασαν αὐτοῦ οἱ πρότεροι τὴν χρῆσιν ἐκ τῶν νέων καὶ τῶν ἐλευθέρων, καίπερ χρῆσάμενοι τὸ πρῶτον αὐτῷ — «Авлос производит не этическое, а скорее оргиастическое действие... Добавим, что в нем противно воспитанию и то, что авлетика препятствует пользоваться словом. Поэтому правильно предки отказались от его употребления у молодежи и [вообще] у свободных людей, хотя сперва и пользовались им». Ibid. 1341 b 6 sq.: πρὸς τὴν διάνοιαν οὐδὲν ἔστιν ἢ παιδεία τῆς αὐλήσεως — «для умственного развития обучение авлетике не дает ничего». Популярность авлоса в Афинах после Греко-Персидских войн была лишь временной: Arist. Polit. ibidem; Plut. Alcib. 2; Aul. Gell. XV, 17; см. также: Girard P. L'education athenienne au V et au IV siècle avant J. C. Paris, 1889. P. 164–168.

<sup>20</sup> Michel 889 (Michel — ок. 325 г.) = IG VII 414 (Preuner — 360–338 г.).

<sup>21</sup> SIG<sup>3</sup>1055 (Dittenberger — 400–350 г.) = Michel 880 = IG II 965 (Reisch — 380 г.).

<sup>22</sup> *Breuer A.* De musicis Panathenaeorum certaminibus. 1865. P. 23.

<sup>23</sup> *Reisch E.* De musicis. . . P. 21–22.

<sup>24</sup> *Frei.* Op. cit. P. 33, not. 2.

<sup>25</sup> *Preuner E.* Griechische Siegerlisten // MDAI 1909. № 28. S. 338–352.

<sup>26</sup> *Heinze R. R.* Panathenaische Amphora des akademischen Kunstmuseums zu Bonn // Bonner Studien. Aufsätze aus der Altertumswissenschaft. Reinhard Kekule zur Erinnerung an seine Lehrthätigkeit in Bonn gewidmet von seinen Schülern. Bonn, 1890. S. 240 ff.

<sup>27</sup> *Preuner E.* Griechische Siegerlisten. S. 341.

<sup>28</sup> Ороп в 377–366 и 338–325 гг. находился под властью афинян, с 366 по 338 — под властью Эретрии, а Эретрия, в свою очередь, входила с 378 г. в Афинский морской союз.